крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны — почти всесилие; с другой — немощь беззащитная (204).

С точным и смелым реализмом передает Радищев рассказ Анюты о ее трудном бытовом положении:

Меня было сватали в богатый дом за парня десятилетнего; но я не захотела. Что мне в таком ребенке; я его любить не буду. А как он придет в пору, то я состареюсь, и он будет таскаться с чужими. Да сказывают, что свекор сам с молодыми невестками спит, покуда сыновья вырастают. Мне для того-то не захотелось итти к нему в семью. Я хочу себе ровню (144).

Этот откровенный, прямой рассказ девушки о язве крестьянского быта, о снохачестве, невозможен, просто немыслим у Карамзина с его чопорностью, с его барской брезгливостью.

С тем же смелым реализмом, не боящимся и натуралистической детали, Радищев пишет в соседней главе («Валдаи») о гулящих валдайских девках:

Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разрумяненных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия... Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственницы ее, или соседки. Отирают его утомленные члены; омывают его грязь. Сие производят *совлекши с себя одежды, возжигают в нем любострастный огнь, и он пре*провождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время. Бывало, сказывают, что оплошного и отягченного любовными подвигами и вином путешественника сии любострастные чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его имением (140).

Радищев видит и изображает жизнь, как она есть, без прикрас, со всеми недостатками.

Но острый взор писателя-публициста умеет увидеть в жизни и положительное, ценное, то, что обеспечит лучшее будущее. Положительные, творческие силы Радищев видит именно в трудовом народе, в крестьянстве, а не в дворянстве. Не излагая этой радищевской темы во всей полноте, напомню только поразительное сопоставление крестьянских женщин с городскими дворянками в той же главе «Едрово»:

*Приезжайте сюда, любезные наши боярыньки московские и петербург*ские, посмотрите на их зубы... Станьте, с которою из них вы хотите, рот со ртом; дыхание ни одной из них не заразит вашего легкого. А ваше, ваше, может быть, положит в них начало... болезни... боюсь сказать какой;